

пасть в объятия простого и доступного *нигилизма контркультуры*. И покорность, и бунт необходимы человеческому духу, но в разумной мере. Мера же, ее знание, как известно, есть результат трудного пути самосовершенствования, где смирение и бунт неизбежны и бессмысленны, если человек все-таки достигает духовной свободы творчества.

Итак, медитация как психическое состояние есть особого рода самогипноз, как духовное действие — воля смирения и воля разума. Она ведет к настрою на творчество, есть условие творчества.

В заключение подчеркнем, что медитация как психическое состояние и духовное действие лишь тогда становится условием творчества, когда она опосредована духовной силой жизнеутверждающего мировоззрения и является моментом работы целостного духа, знающего меру разрушающего нигилизма и созидającego разума. В противном случае она превращается в самоцель, в волю смирения, в односторонность нигилизма или в модную психологическую причуду суетного, потерявшего себя человека.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М., 1985. С. 522.

² Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. М., 1989. С. 250.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. С. 215.

⁷ Иванов С. М. Быстрый холод вдохновения. М., 1988. С. 203.

⁸ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 296.

⁹ Щербатской Ф. И. Указ. соч. С. 208—209.

¹⁰ Гегель. Сочинения. Т. 5: Наука логики. М., 1937. С. 4.

В. А. КОСТИН

Свердловская высшая партийная школа

ДИАЛЕКТИКА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦЕНТРАЛИЗМА

В условиях «демонтажа» административно-командной системы, являющейся тормозом развития нашего общества, становится очевидным, что общество, игнорирующее инициативу и самостоятельность масс, не может успешно функционировать и развиваться. Если положение о возрастающей роли человеческого фактора достаточно прочно вошло в общественное сознание и является обоснованным теоретически и печальным опытом, то вопрос о том,

как распорядиться главным капиталом общественного развития, требует еще теоретического анализа.

В литературе, посвященной проблемам перестройки, проводится идея, что системой управления, альтернативной бюрократическому централизму, позволяющей всемерно и эффективно использовать творчество масс, является косвенный централизм. Суть его заключается в том, что инициатива народа должна вписываться в рамки, устанавливаемые центром, или, иными словами, что людьми нужно управлять не приказом, а оказывая влияние на их интересы. Однако косвенный централизм является лишь переходной системой в силу тех границ, которые он ставит инициативе масс. Поэтому, если мы хотим видеть дальше сегодняшнего дня, мы должны представлять границы этой переходной формы, попытаться определить контуры будущего, чтобы перестраиваться не тогда, когда общество оказывается в кризисном состоянии, а значительно раньше, исключая тем самым возникновение негативных процессов. Данная статья и является попыткой взглянуть чуть дальше складывающейся сегодня и считающейся приоритетной системы управления.

Творчество народа может быть плодотворным, если оно не противоречит научному характеру управления. Как соединить эти составляющие социализма? Почему значимо именно научное управление? Дело в том, что оно призвано осуществлять постоянное соответствие системы общественной жизнедеятельности объективным общественным законам¹. Основной сферой такого управления является экономика, а его ядром — сознательное использование экономических законов. Постоянное соответствие системы общественной жизнедеятельности объективным законам означает ее сбалансированность как в пространственном, так и во временном аспектах. Отсутствие такой сбалансированности представляет собой ситуацию, характеризуемую явлениями диспропорциональности, дефицитности, нерациональности, громадной и бессмысленной тратой ресурсов, невозможностью самоутверждения и самореализации человеческой личности, низкими показателями жизненного уровня и т. д. Все это известно нам, к сожалению, не только из учебников.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что указанные явления представляют собой закономерный результат деятельности существующей системы управления. Как верно отмечают В. Попов и Н. Шмелев, результатом несбалансированного плана, который является главным инструментом системы управления, выступают, например, «гигантские диспропорции в производстве и использовании инвестиционных товаров. Производятся и закупаются никому не нужные станки, пылящиеся затем на складах, а то и ржавеющие под открытым небом, строятся предприятия, на которых некому работать, и в то же время существует острый

дефицит оборудования, нехватка производственных мощностей»².

Указанные явления выступают не как результат отклонения административно-командной системы от ее собственных функций, а, напротив, как результат следования этим функциям. Парадокс в том, что, чем больше стараются охватить планированием сферы и явления общественной жизни из центра, тем меньше эффективность самого плана, его сбалансированность, его положительное влияние; чем больше стремятся контролировать из центра деятельность первичных ячеек общества, тем меньше инициативы и самостоятельности остается на их долю.

Сказанное свидетельствует о том, что старая система управления должна быть сломана. Такой вывод был сделан партией после апреля 1985 г. и закреплен в ее важнейших документах. Так, например, в резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции отмечается, что «перестройка — единственно возможный путь укрепления и развития социализма, решения назревших проблем общественного развития в интересах народа. По этому пути надо идти твердо и решительно, проявляя выдержку и реалистически используя возможности каждого этапа»³. Нельзя не согласиться с этой принципиальной оценкой. Вместе с тем нужно отметить, что общего решения недостаточно, необходимо выделять конкретные этапы развития, фиксировать определенные черты управления на данном этапе. Иными словами, нужен конкретно-исторический подход к управлению, который может выразиться в выделении типов управления в условиях социализма.

На мой взгляд, объективным основанием для их выделения служит система объективных общественных законов, которые сами имеют исторический характер. Действительно, один и тот же фундаментальный закон может выступать в различных количественных определенностях, менять сферу своего осуществления; некоторые законы исчезают совсем, возникают новые⁴. Все это требует изменений и на уровне управления, в противном случае деятельность людей не будет соответствовать объективным общественным законам.

Несоответствие законов и деятельности проявляется в существовании в обществе негативных явлений. В СССР длительное время нарушались законы товарно-денежных отношений, закон роста роли народных масс в истории, основной экономический закон. Так, характеризуя ситуацию, сложившуюся в стране в 30—40-е гг., М. С. Горбачев отмечал: «В конкретной исторической обстановке, сложившейся в силу специфических внутренних и внешних факторов того времени, верх взяли силы, игнорирующие объективные законы общественного развития, тяготеющие к „военно-коммунистическим“ методам построения нового общества»⁵.

Истоком такого несоответствия выступала деформация деятельности на уровне управления, тесно связанная с определенного рода

представлениями и теориями, которые в силу своей неадекватности воплощаются в деформированной общественно-политической практике. Поэтому преодоление социальных деформаций неизбежно влечет за собой преодоление догматических концепций, теорий, переживших свое время. На это обстоятельство справедливо указывает А. Панарин: «Собственно, одна из важнейших „презумпций“ перестроечного мышления как раз и состоит в понимании того, что повороты в мышлении, в системе ценностей не локализируются в надстроечной сфере, они влияют на общественную практику, для обновления которой требуется новое мышление»⁶. Правомерна и оценка роли мышления, высказанная этим же автором: «Сегодня у человека нет более опасных „ловушек“, чем собственные замыслы и проекты, способные бумерангом по нему ударить»⁷.

В связи со сказанным представляется важным анализ систем управления, их теоретических оснований, а также условий, в рамках которых эти концепции имеют смысл и положительное влияние.

Вплоть до 1985 г. акцент при анализе системы управления делался на общих аспектах, на общих принципах всякого социального управления. Такой подход правомерен, однако явно недостаточен, так как связан с возможностью игнорирования эволюции форм управления. Попытаемся, опираясь на существующие работы, выделить различные типы, или системы, управления в рамках социалистического общества. Основанием для такого выделения может служить распределение функций управления, во-первых, между профессиональными управленцами и теми, кто не занимается управлением профессионально, или, иными словами, самодеятельным населением; во-вторых, между центром и периферией.

Почему принимается это основание? Дело в том, что сам набор управленческих функций, или форм управленческой деятельности, инвариантен. Хотя в литературе по управлению выделяется различное количество видов управленческой деятельности, это связано с разной типизацией одних и тех же эмпирически фиксируемых ее форм. Так, можно выделить следующие виды управленческой деятельности: выбор целей, прогнозирование, планирование, сбор, анализ и использование информации, принятие и исполнение решений, оперативную организационно-массовую и идеологическую работу, контроль, оценку эффективности управления⁸. Поскольку они инвариантны, то развитие управления заключается не в замене их другими формами, а в ином их распределении между субъектами управления.

Если подходить к анализу вопроса о системах управления логически, т. е. отвлекаясь от истории их возникновения и существования, то можно выделить следующие системы: демократический централизм, бюрократический централизм. В настоящее время представляется возможным выделить три формы демократического

централизма: функциональный, косвенный, партнерский. Отметим, что термины „функциональный“, „партнерский“ вводятся как рабочие для описания определенных форм управления. Автор ни в коей мере не претендует на их общезначимость.

Под функциональным централизмом понимается такое управление в условиях социализма, о котором говорится в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а также В. И. Ленина (в дооктябрьский период). Под партнерским централизмом подразумевается такая форма управления, которая должна возникнуть в процессе перестройки. Косвенный централизм представляет собой централизованное управление на основе единого плана с помощью экономических методов. В нашей истории эта форма управления начинала осуществляться дважды: в период новой экономической политики (1921—1927 гг.) и начиная с 1985 г. в ходе радикальной экономической реформы хозяйственного механизма.

Бюрократический вариант управления сложился во время господства административно-командной системы, вершиной которого явился период, связанный с именем Сталина.

Рассмотрим эти системы социалистического управления в порядке их исторического возникновения.

Функциональный централизм по своему происхождению является прогностическим, т. е. создан не на основе анализа реального общества, а путем прогнозирования социалистического общества на основе изучения развития капитализма. Предсказания относительно управления в условиях социализма строились на основе представлений о социалистическом базисе, которые выводились из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из идеи несоответствия всех составляющих отношений производства в условиях капитала уровню развития производительных сил. Поэтому предполагалось, что эти отношения (производства, обмена, распределения, потребления) будут заменены противоположными: разделением труда — переменной труда, частное присвоение — общественным, отношения обмена (товарно-денежные отношения) — прямым продуктообменом. Работник из носителя товара „рабочая сила“ превратится в субъекта, развитие сил и способностей которого является целью общества.

Вместе с тем классики марксизма предвидели, что труд в условиях социализма еще не станет потребностью, поэтому сохранится необходимость права, а вместе с ним и государства. В. И. Ленин так комментирует этот прогноз: «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, поэтому подавлять какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается „охрана буржуазного права“, освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм»⁹. Иными словами, общественные функции потеряют свой

политический характер. Отношения между лицами, выполняющими общественные функции, и остальной массой будут строиться как отношения авторитета. «Авторитет... означает навязывание чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение»¹⁰. В условиях обобществления производства при социализме сфера авторитета в области хозяйства расширяется. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности...» — писал Ф. Энгельс¹¹. Но это означает, что авторитет присущ и социализму. Тем более, что социалистическое общество мыслится как развивающееся планомерно, в связи с чем роль государства заключается в организации планомерности под началом единого центра. Таким образом, идею централизма, безусловно, классики марксизма относили к социалистическому управлению.

Однако централизм как принцип управления, по их мнению, должен сочетаться с полным суверенитетом народа; отрицается необходимость особого слоя специалистов-управленцев¹². При такой модели самоуправление и управление совпадают. Этот централизм можно назвать функциональным, так как подчинение одних другим имеет временный характер. Указанная система организации управления не была еще реализована в истории, но нельзя исключать возможность ее осуществления в будущем.

Жизнь, однако, показала, что управление невозможно осуществлять без управленцев-специалистов. В. И. Ленин формулирует принцип демократического централизма, который связан с признанием необходимости профессиональных управленцев и подчинения нижестоящих органов вышестоящим (принцип авторитета, по Ф. Энгельсу). Принцип демократического централизма в области планирования может быть представлен в двоякой форме, как тотальный централизм и косвенный централизм. При тотальном централизме руководство всем хозяйством осуществляется из единого центра по единому плану, а производство рассматривается как единая фабрика. Вместе с тем нужно отметить, что В. И. Ленин выдвигал в качестве противовеса такой централизации в области управления производством учет и контроль со стороны масс. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для „налаживания“, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие»¹³.

Участие масс в управлении, по мнению В. И. Ленина, должно обеспечиваться самим устройством советского государства, которое рассматривалось им как самый высокий тип демократии, так как оно позволяет массам осуществлять не только учет и контроль, но и выборность и сменяемость должностных лиц, соединение законодательной и исполнительной власти. Последнее означает, что исполнительная власть является органом законодательной, что

представительная власть руководит исполнительной властью, формирует ее, контролирует ее деятельность. «Советская власть, т. е. диктатура пролетариата... построена так, чтобы сблизить массу трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства»¹⁴.

Легко понять, что при этой системе управления достаточно блокировать контроль и учет со стороны масс, как возникнет система бюрократического централизма. В истории нашей страны такое происходило дважды: первый раз — в условиях гражданской войны (это было вынужденное и навязанное обстоятельствами свертывание демократии), второй — после смерти В. И. Ленина, с возникновением культа личности. Можно предположить, что такое сочетание централизма и демократии является нежизненным не только для прошлого, но и для будущего. И действительно, функционирование этой системы в годы гражданской войны привело к негативным результатам. Отказ от такой системы управления выразился в разработке новой экономической политики (вариант косвенного централизма).

В чем особенность косвенного централизма в планировании и управлении по сравнению с тотальным (в любой его форме)? Его суть заключается в сочетании планомерности со свободой объектов управления, или хозрасчетом.

Основной системы косвенного централизма являются товарно-денежные отношения. Их отрицание привело к идеям, которые мы встречаем в работе В. И. Ленина «Государство и революция», относительно системы управления как тотального плана и контроля со стороны масс. Признание же неизбежности товарно-денежных отношений ведет к иному пониманию централизма. Очень важным обстоятельством, оказывающим влияние и на современный подход к выбору системы управления, является то, что В. И. Ленин считал товарно-денежные отношения присущими не только переходному периоду, но и социализму вообще. Эти идеи высказаны в работе В. И. Ленина «О кооперации». В ней, в частности, говорится об аренде как форме отношений между коллективом и государством, о товарно-денежных отношениях как условии отношений аренды.

Именно косвенный централизм при жизни В. И. Ленина пришел на смену бюрократическому централизму, который развивался вопреки благим намерениям. Нужно отметить, что и в последующей истории борьба с бюрократическим централизмом, командной системой проводилась под флагом косвенного централизма. Так было, например, в 60-е гг. «Проводимая хозяйственная реформа,— отмечает В. В. Новожил, — предусматривает широкою демократизацию управления: замену административных методов управления экономическими, расширение самостоятельности предприятий, внедрение подлинного хозрасчета во все звенья производст-

ва»¹⁵. Современная реформа управления — это актуализация идей косвенного централизма. «В чем заключается радикальная реформа управления? В чем радикализм намечаемых революционных изменений? Они — в коренном изменении методов управления, в переходе от административных к экономическим методам, в развитии хозяйственной демократии, т. е. формах реализации социалистической собственности»¹⁶. Встает вопрос: а насколько правомерно считать, что косвенный централизм неизбежен и для наших дней? Является ли эта форма централизма единственно возможной? Предполагается, что косвенный централизм не имеет альтернатив. Именно это обстоятельство и побуждает всякий раз, когда штурмуются бастионы административно-командной системы, возвращаться к идеям и опыту нэпа.

Прежде чем обращаться к иным формам централизма, целесообразно сопоставить системы косвенного и бюрократического централизма, выделить, что их объединяет и что отличает. Такое сопоставление оправдано и исторически, так как косвенный централизм возник и возникает как реакция на централизм бюрократический, и логически, так как эти формы централизма имеют общие черты.

Бюрократическая система в качестве главного инструмента управления использует план-директиву, который доводится до каждого предприятия и охватывает основные натуральные показатели. При этом имеет место односторонняя ответственность: нижестоящие звенья ответственны перед вышестоящими. Это означает отсутствие ответственности «верхних эшелонов» власти. Косвенный централизм также предполагает план как инструмент управления, но форма доведения плана до отдельных предприятий иная — это план-заказ¹⁷. Ненормальность существующего порядка планирования состоит в одностороннем характере обязательств. Наши низовые звенья — предприятия — все время получают сверху определенные плановые процентные задания: по росту объема производства, повышению производительности труда, снижению себестоимости и т. д., — а вышестоящие органы, как правило, не несут никакой ответственности перед низовыми предприятиями за диспропорции в планах. В связи с этим предлагается вполне определенная мера. «Переход от „планов-заданий“ к „планам-заказам“ так же, как и ориентировка на планирование производственных мощностей, позволит в очень большой мере ликвидировать администрирование и возможные проявления волюнтаризма в области народнохозяйственного планирования и управления»¹⁸.

Отметим, что понятия плана-заказа и государственного заказа ничем не отличаются. Более того, это, по существу, те же самые натуральные показатели, какие используются при директивном планировании. Меняется только форма их доведения до предприятий. Причем эта форма является существенным рычагом, посред-

ством которого центр может управлять экономической жизнью в целом и как целым. Это положение обосновывается применением принципа демократического централизма. «Таким образом, принципом управления социалистической экономикой ныне является и в будущем останется демократический централизм, методом решения задач планирования народного хозяйства является их разложение (разбиение) на части по звеньям производства, а системой управления — то или иное соединение плана с хозяйственным расчетом»¹⁹.

При бюрократическом планировании имеет место несбалансированность плана, в частности его натуральных и стоимостных показателей. Эта проблема как никогда остро стоит перед нашей страной. Игнорирование стоимостных показателей вытекало из отрицания товарно-денежных отношений в условиях социализма, а на практике выражалось в замене обмена распределением ресурсов из центра. Косвенный централизм предполагает признание товарно-денежных отношений, а стало быть, и обмена между предприятиями средствами производства, а также планомерное регулирование товарно-денежных отношений посредством различных экономических нормативов, включая цены. «...Сами цены также подлежат планированию; плановые цены должны в полной мере отвечать объективному процессу формирования цен и соответствовать процессам создания и перераспределения стоимости. Плановый контроль за соответствием цен их стоимостному уровню может быть оформлен в виде определенных строгих экономических и плановых расчетов»²⁰.

В рамках этого направления обосновывается, что планирование товарно-денежных отношений не противоречит планированию натуральных показателей, что правильные экономические нормативы ориентируют предприятия на эффективные натуральные показатели.

Бюрократический централизм проявляется в уравнительном распределении. Точнее, он предполагает распределение по труду на уровне отдельных работников для всей страны в целом. Но при этом игнорируется то обстоятельство, что распределение по труду на уровне индивидов возможно только при условии распределения по труду на уровне первичных производственных ячеек (предприятий и объединений). Косвенный централизм прямо опирается на то, что предприятие само должно зарабатывать прибыль, которая является источником финансирования всех фондов предприятия (принцип самофинансирования).

В качестве черты бюрократического централизма правильно отмечалась ведомственность, которая проявляется в неразличении конечных и промежуточных показателей. Ведомству важен свой показатель, за который оно отвечает, и его мало интересует конечный результат. Предполагалось, что система торговли будет спо-

собствовать преодолению ведомственности и формализма.

В период перестройки в противовес бюрократическому централизму вновь были актуализированы идеи косвенного централизма, вопрос о разделении функций между партией и государством, о расширении прав трудовых коллективов, о сокращении аппарата управления, ликвидации ненужных министерств, излишних звеньев управления. Концепция косвенного централизма начала проводиться в жизнь. То, что радикальная экономическая реформа базируется на идеях косвенного централизма, не требует особого доказательства. Достаточно прочесть материалы июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, чтобы убедиться в этом.

Мы считаем, что концепция косвенного централизма имеет переходный характер, что она не может быть эффективным основанием для решения всех проблем управления. Ее правомерность для современных условий не вызывает сомнений, но что касается управления на основе самоуправления, то она явно недостаточна. Почему? Да потому, что косвенный централизм имеет последствия, которые наше общество как раз и стремится преодолеть в ходе перестройки. Главное из них — это всевластие ведомств. Действительно, эта концепция предполагает ответственность ведомств за сбалансированность народного хозяйства. Но министерства и ведомства не несут ответственности за последствия устанавливаемых нормативов, таких, например, как цены, отчисления. А их воздействие, причем негативное, если принятые нормативы ошибочны, весьма велико, хотя, безусловно, план-заказ ограничивает произвол. Но цель ведомств — пропорциональность народного хозяйства как целого — будет стимулировать вмешательство любой ценой, так как иначе этой цели достичь нельзя.

Под силу ли ведомствам решение такой задачи, как поддержание пропорциональности? Во многих работах утверждается, что объем информации, необходимой для компетентного руководства народным хозяйством из одного центра, превышает возможности переработки этой информации центром. Это положение достаточно обосновано в статье В. Попова и Н. Шмелева. Они пишут: «Всеобъемлющее индикативное планирование того, что мы физически не в состоянии спланировать, оказывается в итоге едва ли не столь же вредным, сколь и невозможным в реальности, как и всеохватывающее директивное»²¹.

Под индикативным планированием в данном случае понимается управление центром с помощью экономических нормативов, т. е. косвенный централизм. Авторы правильно обращают внимание на то, что и косвенный централизм, и бюрократический имеют нечто общее: необходимость переработки такого количества информации, с которым они не в состоянии справиться. (Дело не меняется от того, в каких формах эта информация будет представлена: в натуральных показателях плана, обязательных для пред-

приятый, или в виде стоимостных показателей.) Так, «ассортимент фактически выпускаемых изделий удваивается примерно каждые 10 лет и насчитывает сейчас 25 млн наименований»²². Это означает, что «при самых благих намерениях у центра нет физической возможности составить не то что оптимальный, но хотя бы просто сбалансированный план, просчитать даже второстепенные и третьестепенные, но и многие основные пропорции производства. Ошибки поэтому не только возможны — они абсолютно неизбежны»²³. Но если планирование возможно в ограниченном масштабе, то оно неизбежно должно сочетаться с рынком, рыночной самонастройкой — таков вполне логичный вывод авторов.

Однако вывод об ограниченности возможностей центральных органов в сфере управления носит еще абстрактный характер. Не ясно, какие принципы должны лежать в основе системы управления, учитывающей реальные возможности центра.

Сторонники экономических методов также отрицают, что центр не может осуществлять тотального планирования. «В новой системе управления экономикой, — пишет Э. Б. Фигурнов, — централизованное руководство будет сосредоточено лишь на тех вопросах, которые могут быть решены центром эффективнее, чем самими предприятиями. ...Все и вся предусмотреть из единого центра просто нельзя. В нашей стране централизованными планами производства и распределения охватывалось всего лишь несколько десятков групп агрегированных продуктов, а не 24 миллиона конкретных видов выпускаемой продукции. В государственном плане не могут быть предусмотрены качество и сроки поставки продуктов, необходимых каждому потребителю»²⁴.

Казалось бы, факт невозможности управлять из центра всем и вся учитывается. Однако сокращение круга вопросов и показателей, которое предлагается для повышения эффективности управления из центра, противоречит целям, которые ставятся перед центральными органами. Действительно, чем меньше показателей, через которые осуществляется воздействие на предприятия и объединения, тем меньше возможностей для достижения пропорциональности. При этом методе воздействия эффективность управления связывается с количеством каналов воздействия: чем больше этих каналов, тем лучше. Это ясно, поскольку согласовывать множество элементов путем воздействия только на некоторые из них нельзя. И такое воздействие на все элементы (все объединения) проводилось достаточно основательно. Э. Б. Фигурнов утверждает, что план народного хозяйства содержит лишь несколько групп агрегированной продукции. Однако нельзя забывать, что эти несколько групп, в свою очередь, детализировались и доводились до каждого предприятия. Эту функцию, как известно, осуществляли (и осуществляют до сих пор) отраслевые министерства.

Отменяется ли эта детализация плана сверху в концепции кос-

венного управления в новых условиях? По существу, нет. Как известно, предприятиям и объединениям спускаются контрольные цифры, которые и есть не что иное, как детализация агрегированного плана. А как быть, если возникают ножицы между контрольными цифрами и планами самих предприятий? «...Преодолению разницы между расчетными контрольными цифрами и самопланировками трудовых коллективов служат госзаказы, которые должны быть как минимум равноприбыльными, возмещать дополнительные затраты, обеспечивать утрачиваемую рентабельность»²⁵.

Как видим, постоянный надзор за деятельностью объединений остается необходимым: в случае отклонения от контрольных цифр нужно сразу же включаться центральным органам и устанавливать госзаказ, который контрольную цифру из рекомендуемой делает обязательной для предприятия. Иными словами, необходимость детализации планов остается, объем работы центральных органов не уменьшается, а значит, и штаты их тоже должны сохраняться.

В связи с тем, что у центральных органов сохраняется задача регулирования пропорциональности через воздействие на показатели предприятий с помощью экономических нормативов, последние будут новыми рычагами старого способа управления. «Во многих случаях под видом госзаказа, экономических нормативов и других новых методов управления сохраняется по существу прежний административный диктат»²⁶.

Это обстоятельство не случайно, так как косвенные методы и хозрасчет неизбежно вступают в противоречие. Поиск решения задачи нужно вести не в рамках комбинации элементов централизованного управления, а вне их, хотя следует отметить, что в каком-то объеме экономические методы необходимы. Речь идет лишь о том, что деятельность центра не может быть главным средством обеспечения планомерности в современных условиях.

Общее решение задачи заключается в действительном ограничении функций центра. Если планирование не может быть делом центра, оно должно быть рассредоточено между разными субъектами. Такую систему управления назовем условно партнерской. Главными субъектами управления являются центр и кооперация различного рода объединений (горизонтальные связи различного типа на основе разных программ). Предприятия, объединения и их союзы (кооперация) функционируют на принципах полного хозяйственного расчета и обладают правом планирования и производства продукции. Их деятельность нельзя полностью отождествлять с рыночной, так как она предполагает планы, которые могут быть достаточно масштабными, охватывать сотни предприятий и иметь добровольный характер, т. е. быть результатом выбора самих предприятий и союзов объединений и предприятий. В последнем

случае мы имеем дело с планомерностью среднего уровня. Эта планомерность используется фактически и монополистическим капиталом. Подобные планы должны строиться на основе ресурсов самих же объединений и являться выражением реального участия коллективов в планировании. Эту сферу можно назвать самопланированием. Она, естественно, будет находиться под контролем трудовых коллективов.

Какой же должна быть роль центра? Думается, центру необходимо отказаться от концепции управления обществом как целым через вмешательство в действия составляющих этого общества и строить свою деятельность на основе принципа дополнительности. Это означает, что центр, располагая необходимыми ресурсами (образуемыми из отчислений), строит свою программу, которая должна *дополнять* самостоятельность объединений и трудовых коллективов. Законосообразность деятельности на уровне целого будет слагаться из деятельности самостоятельных организаций и деятельности центра, причем они будут выступать как партнеры в осуществлении планирования, где у каждой стороны своя роль, свой четко фиксируемый круг ответственности, свои ресурсы.

Таким образом, система партнерского управления отличается от системы косвенного централизма способом реализации планомерности как формы использования законов общества в управленческой деятельности. Общим является признание хозяйственного расчета как принципа деятельности предприятий и объединений. Система партнерского централизма сужает возможности прямого вмешательства центра в деятельность объединений, но не исключает его вообще. Роль центра как регулятора непосредственной жизнедеятельности на уровне предприятий и объединений проявляется в другой функции управления — законодательной. От того, что центр будет выступать партнером в сфере планирования, он не утрачивает своей роли администратора в сфере законодательства. Здесь решения являются обязательными для всех.

Нам хотелось бы отметить также, что, хотя понятие системы партнерского управления еще и не сформулировано в литературе, имеются практические предложения по совершенствованию управления именно в этом направлении, в частности предложения Л. И. Абалкина по совершенствованию плана народнохозяйственного развития. Он считает, что новая концепция плана должна включать два момента: характеристику приоритетных направлений и совокупность государственных программ. «...Ключевым звеном пятилетнего плана призваны стать важнейшие общегосударственные социальные, экономические и научно-технические программы, финансируемые из государственного бюджета. Их состав и количество также должны быть ограниченными и вытекать из приоритетных направлений развития народного хозяйства, хотя здесь и не обязательно полное совпадение. Реализация таких про-

грамм — функция центра, а их набор и состав определяют его влияние на важнейшие структурообразующие пропорции народного хозяйства. Причем, чем уже круг проблем, решаемых в центре, тем сильнее его воздействие на развитие народного хозяйства как единого целого. Разумеется, если не абсолютизировать и эту форму, а отбирать для решения действительно ключевые вопросы. ...Развитие сложившихся отраслей (в отличие от принципиально новых, создаваемых в соответствии с общегосударственными программами) должно регулироваться системой горизонтальных, а не вертикальных связей»²⁷.

Хотя автор не рассуждает в статье по поводу теоретических основ высказанных предложений, их экспликация ведет к концепции партнерского централизма. Влияние центра на экономическую и социальную жизнь достигается не тем, что он вмешивается в деятельность нижестоящих организаций, стремится через регулирование их деятельности достичь своих целей, а тем, что решает четко фиксированный круг проблем на основе определенных средств. В такой ситуации ответственность центра за использование выделенных ему ресурсов и достижение поставленных целей является прямой.

При таком подходе меняется и роль государственных заказов: они не просто средство приведения в соответствие контрольных цифр и реальных показателей деятельности предприятий, а средство обеспечения самих государственных программ. Единственное, что можно добавить к сказанному: деятельность центральных органов должна быть направлена также на достижение сбалансированности.

При партнерской системе планирования объектом воздействия центра является не все народное хозяйство в целом, а тот «зазор», который существует между фактическими тенденциями развития и оптимальным состоянием. Главным средством воздействия на общество будет не сам план (он будет иметь значение расчетного инструмента), а практически осуществляемые меры: по строительству новых объектов, помощи в реконструкции наиболее перспективных объектов, рациональному использованию государственных ресурсов, подготовке специалистов и др. Эти меры могут быть спланированы в виде государственных программ, которые становятся в таких условиях главной формой народнохозяйственного плана.

Общим у косвенного и партнерского централизма является основа — хозяйственный расчет, а различным — структура и роль планов как средства осуществления жизнедеятельности общества в соответствии с его объективными законами. Если косвенный централизм рассматривает хозрасчет как инструмент реализации плана, то партнерский централизм рассматривает государственный план как инструмент хозрасчета. В этом проявляется различное

понимание роли масс. Косвенный, а тем более бюрократический централизм рассматривает трудящихся в качестве подопечных, управляемых субъектов. А в качестве действительного субъекта, способного использовать объективные общественные законы, выступает центр, который принуждает управляемых к их реализации либо прямыми, либо косвенными методами.

Партнерский централизм исходит из посылки, что народ готов к участию в историческом творчестве, сознательному использованию объективных законов природы и общества, но это творчество не исключает различного рода ошибок и отклонений, которые должен компенсировать центр. Он также должен решать задачи по реализации проектов наукоемких производств за счет всего общества. Использование объективных законов, таким образом, является функцией как масс (самодеятельность), так и центра.

Вопрос о том, какая система управления предпочтительнее, не может быть решен абстрактно, без учета уровня развития самих масс. В 20-е гг. В. И. Ленин, как известно, предложил вариант косвенного централизма, который имеет громадные преимущества перед бюрократическим в мирное время, но не в военное. И выбор был исторически правилен: эта форма соответствовала уровню развития трудящихся масс в то время. Такая система управления решала двоякую задачу: готовила массы к сознательному историческому творчеству и в то же время страховала их посредством экономических нормативов от нецелесообразных вариантов деятельности. Кроме того, она ориентировалась на реальные потребности людей (имеется в виду материальное стимулирование в виде потребительских благ, которые коррелировали с количеством и качеством труда).

Закономерным результатом развития косвенного централизма является партнерский централизм. Он предполагает уже иной уровень развития масс, которые и хотят, и умеют решать сложные управленческие задачи. В то же время эта форма управления не исключает специалистов-профессионалов. Соотношение функций профессионального и непрофессионального управления может быть различным и зависит от многих условий.

Вопрос о моменте, знаменующем переход от косвенного централизма к партнерскому, теоретически решить нельзя. Сама практика должна подсказать и показать меру и готовность масс и предприятий (объединений) к выполнению более сложных функций. Нужно отметить, что господство бюрократического централизма в течение длительного времени привело к атрофии ряда способностей, необходимых для самоуправления. Поэтому восстановление косвенного централизма необходимо как переходная мера для развития такого человеческого фактора, который способен быть субъектом истории.

Таким образом, положение о возрастании роли масс в управ-

лении, в историческом творчестве как важнейшей закономерности развития общества требует для своей реализации вполне определенных форм организации управления, не ограничивающих инициативу масс, а опирающихся на нее. Без партнерского централизма полное и всестороннее развитие самостоятельности не может быть реальностью, так как центр всегда будет стремиться в силу заданной роли «загнать» инициативу масс в рамки, которые он считает научно обоснованными, разумными. В таких условиях людям не дано право на ошибку, а значит, исключается и возможность учиться на собственном опыте. Но тогда им не дано и право на инициативу, на выявление нового. Потенциал народа в таких условиях реализуется в основном в области целереализации, а не целеполагания. И бюрократический, и косвенный централизм неявно предполагает, что центр — это своего рода учитель, а остальные — ученики. При партнерском централизме обе стороны выступают по отношению друг к другу и в роли учителя, и в роли учеников, так что никто ничего не теряет, а только выигрывает.

В заключение необходимо сказать, что вопрос о взаимоотношении центра и объединений (предприятий) не исчерпывает всех проблем, связанных с демократией и творчеством масс, но без решения этого вопроса одно из главных преимуществ социализма — сознательное участие масс в историческом творчестве — реализовать невозможно.

¹ См.: Керимова Т. В. Социальный прогресс и управление: Актуальные проблемы исторического материализма. М., 1980. С. 127; Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М., 1973. С. 10; Основы научного управления социалистической экономикой. М., 1975. Ч. 1. С. 450; Динамизм управления. М., 1987. С. 134.

² Попов В., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 214.

³ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 110.

⁴ Об историческом характере законов см.: Костин В. А., Костина Н. Б. Мировоззренческое значение марксистско-ленинской концепции общественных законов в формировании активной социальной позиции инженеров-педагогов // Формирование инженерно-педагогических кадров: мировоззренческие и методологические проблемы. Свердловск, 1987. С. 127.

⁵ Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях // Известия. 1989. 16 марта.

⁶ Панарин А. Диалектика гуманизма // Коммунист. 1989. № 5. С. 41.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ См.: Социальное познание и управление. М., 1983. С. 167.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 95.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 302.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² См.: Там же. Т. 20. С. 305.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

¹⁴ Там же. Т. 37. С. 500.

¹⁵ Новожиллов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1982. С. 397.

¹⁶ Практика перестройки хозяйственного механизма. М., 1982. С. 12.

- ¹⁷ См.: Немчинов В. Социалистическое хозяйство и планирование производства // Коммунист. 1987. № 11.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ Новожилков В. В. Указ. соч. С. 400.
- ²⁰ Немчинов В. Указ. соч. С. 27.
- ²¹ Попов В., Шмелев Н. Указ. соч. С. 224.
- ²² Там же. С. 205.
- ²³ Там же. С. 207.
- ²⁴ Фигурнов Э. Б. Централизованное управление и рынок // Коммунист. 1988. № 7. С. 64—65.
- ²⁵ Бунич П. Г. Хозмеханизм: идеи и реальность. М., 1988. С. 46.
- ²⁶ Валовой Д. Государственный заказ // Правда. 1988. 30 мая.
- ²⁷ Абалкин Л. И. Каким быть новому пятилетнему плану? // Коммунист. 1989. № 6. С. 17.

Н. Б. КОСТИНА

Свердловский инженерно-педагогический институт

**ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ КАК ОРГАН САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Коренное обновление социализма, преодоление деформаций и искажений предполагают существенное изменение в распределении социальных функций. Главное направление реформы в распределении функций управления и воспитания на уровне трудовых коллективов — обеспечение возрастания роли масс в их осуществлении, влияния масс на их реализацию. В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть объем и условия реализации такой общей функции, как управление, на уровне трудового коллектива.

Необходимость в перераспределении функций вызвана концентрацией их в руках центрального аппарата, который в условиях роста масштабов производства, усложнения социальной жизни стал неспособен принимать эффективные решения. Осознание такой необходимости возникло не сегодня. Можно сослаться на Конституцию (Основной закон) СССР, в которой предусматривалось расширение прав трудовых коллективов, включение их в качестве элемента в политическую систему: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда, использования средств, предназначенных для развития про-